

Моя жизненная позиция

На вопросы редактора газеты Евгения ГОЛУБОВСКОГО отвечает банкир Вадим МОРОХОВСКИЙ

— Как, когда, почему пришла мысль стать банкиром?

— На меня очень сильно повлияла трилогия Драйзера и, можно сказать, как-то подтолкнула. Хотя, по правде, в советские годы понимать, что такое финансист, было очень сложно. Но так как это было как раз на переходе: 90 — 91-й годы, — то книги подтолкнули меня стать банкиром. В то время это была не очень престижная работа, все представляли себе больше работу бухгалтеров, чем финансистов и банкиров. Но жизнь повернулась так, что это стало моей любовью на многие годы. И, конечно, показало лишний раз, что полезно читать умные книги. Так можно увидеть свое будущее. Я не разочарован, что стал банкиром, и надеюсь, что те люди, которые со мной работают, не разочарованы, что я их банкир.

— «Восток» — третий банк в Вашей жизни. Какое положение у него в Украине? В Одессе?

— Наверное, правильно говорить о двух банках. То есть у меня два банка: один банк — это банк «Восток», другой банк — «Запад». Впервые я являюсь и одним из основных владельцев, и управляющим. Наверное, сегодня такое сочетание в Украине редкость, потому что мало тех, кто владеет и управляет. Для меня, моей команды и моей семьи это — семейный банк, что также очень редко в Украине. Потому что, в принципе, никто не мыслит долговременно. А это наш проект на очень долгое время, который мы делаем для наших детей. Отличие нашего банка в том, что мы его строим не для продажи, не для какого-то мгновенного заработка, а именно на долгую перспективу, для наших семей — не только моей, но и моих сотрудников. Потому я всегда говорю, что когда приходят дети моих сотрудников к нам работать — это главное подтверждение, что наш план выполняется. Я считаю, что Одесса может сегодня нашим банком гордиться. При ситуации общего развала банковской системы мы — в числе тех немногих банков, которые растут, зарабатывают, помогают экономике Украины, и частному бизнесу, и, конечно, в первую очередь, Одессе, где у нас корни, где мы все свои силы в основном и концентрируем. Это всеукраинский банк, работающий во всех областях и входящий в 25 крупнейших банков Украины.

— А в Одессе?

— Мы в тройке.

— Политика и финансы. Финансы, которые требуют всегда тишины, и политика, которая требует шума, пиара. В какой мере Вам удается, занимаясь финансами, не влезать в политику?

— Политикой вообще не хотим заниматься и не занимаемся. Если что-то и делаем, то потому что считаем, что это нужно: дети, пенсии, АТО. Есть постоянные вещи, в которые мы считаем, надо вкладывать душу: есть дети, Музей и шахматы, еврейская община. То есть те направления, которыми мы занимаемся постоянно и будем заниматься. И проект, который ведет моя мама. Это в память о папе — Фонд, который занимается детскими больницами. Либо надо заниматься бизнесом, либо политикой. Я занимаюсь бизнесом, а политической категорически не хочу заниматься и не буду. У меня нет даже мысли этим заниматься.

— Вы были одно время депутатом Одесского горсовета. Это научило?

— Да это было давно, наверное, больше десяти лет назад. Опыт научил: нельзя сидеть на двух стульях. Поэтому либо надо заниматься политикой — и заниматься этим серьезно, либо надо заниматься бизнесом. Я политикой не хочу заниматься. Мне постоянно предлагают быть депутатом горсовета, облсовета. Но меня это не волнует. Мало того, я понял находясь там: я намного больше могу помочь нашему Городу, который я очень люблю, в котором живут столько поколений моей семьи, не будучи депутатом, чем будучи депутатом.

— По сути, Вы подсказали следующий вопрос — об укорененности Вашей семьи в Одессе.

— Моя семья корнями со всех сторон в Одессе. Одесская есть и будет. Этот город значит для меня много. Поэтому не зря Музей современного искусства Одессы — не Украинский, а именно Одесский. Я могу гордо говорить, например: платную поликлинику один из моих прадедов основал. Одесскую конди-

терскую фабрику после войны восстанавливал мой дед. И клуб «Одессика» в Доме ученых: мой дедушка был одним из его основателей. Много кого было в моей семье... Мореховских, Листицких, Канторов, Верниковых. Дедушка был вынужден уехать учиться в Геттерборг, в медицинский университет, так как не мог в царское время здесь получить медицинское образование. Но потом он приехал сюда и работал здесь, в Одессе. То есть, в конце концов, мы всегда были связаны — это мой город. Например, мы сейчас много занимаемся поддержкой «Евровидения» в Одессе. Другое дело, что я это не афиширую, многие и не знают, что это я делаю. Так как считаю, что главное — результат.

— Мы разговариваем в день, когда новое известие ужасно меня огорчило: сегодня упал Массонский дом.

— Массонский дом... 12 лет тому назад я хотел его выкупить и сделать там музей или интеллектуальный клуб «Что? Где? Когда?». Были разные мысли. Но так, как его собирались продавать... Я считал, что это нечестное предложение. Сегодня он развалился. Дождался. Я надеюсь, что нынешний владелец его восстановит. Конечно, это один из случаев исчезновения того, что было у наших предков, к сожалению. Это грустная страница. Мы видим не только это. Город, на мой взгляд, сегодня в непростом состоянии, и это грустно. С другой стороны, очень много чего построено в этом городе за счет нашего финансирования — как в «Востоке», так и в «Пивденном». Я считаю, что это, в том числе, и мой вклад в этот Город: и больницы, и школы, и новые терминалы, и супермаркеты, и торговые центры. Но это мало. В принципе, миллионный город должен обладать и другой инфраструктурой, и другим количеством общественных зданий. Конечно, печально, что за последние 25 лет особо ничего именно некоммерческого не появилось в нашем Городе. Появились Израильский культурный центр, Болгарский культурный центр, но это было связано с поддержкой национальных общин. Может быть, я вот сейчас вспоминаю, Театр на Чайной, ну и, конечно, Музей современного искусства Одессы. Я считаю, что это был знак, такой маяк для моих коллег-бизнесменов — что-то надо делать. Я очень надеюсь, что они его увидят, заметят и поймут, что нужны действия!

— Покупка коллекции Кнобеля — это был акт, жест коллекционера, или это было уже вложение денег в будущий музей?

— Это была, в принципе, эмоциональная покупка. Невозможно сегодня сказать, что она была выгодна, если говорить чисто экономически. Особенно учитывая то, что сегодня происходит с искусством, с ценами на произведения искусства. Но это приобретение сделало главное: создало базу для будущего Музея. И сегодня для меня, в моей личной истории, я думаю, что, может быть, когда-то в будущем и для истории нашего Города, это был очень важный момент. Потому что Одесса всегда славилась своими коллекционерами. Как у нас были знаменитые ученые, так нельзя забывать, что у нас была блестящая плеяда коллекционеров: до 17-го года — Руссов, Брайкевич, на нашей памяти — коллекция Блещунова, коллекция Луцкича, который собирал документы, создавал уникальную картотеку. Можно называть многие имена. Я думаю, что они как в советские годы, так и в годы независимости Украины выделялись не только в Одессе, эти люди, которые создавали действительно очень ценное для истории и культуры. Музей современного искусства, или просто Музей, на мой взгляд, это действительно следующий шаг. Мы это не держим у себя дома, а Музей становится общественным местом. И я об этом говорю и считаю, что в Одессе общественных мест, в которых нуждается наш город, очень мало. Но ни у кого не появилась идея выкупить какой-то участок и построить не какой-то гигантский дом, а сделать новый парк или сквер, хотя многие могут себе это позволить. Не появилось ничего нового. У нас идет борьба — сохранить старое! Хотя, на самом деле, сочетание возможно. Мы видим это у наших коллег в Европе, где появляются новые скверы, появляется новая инфраструктура, новые театры, новые библиотеки, электронные библиотеки, появляются новые памятники. У нас, к сожалению, все очень старое. И это сегодня видит молодежь. И, собственно, поэтому, если раньше произошла утка мозгов — математиков, физиков, и т. д., то сегодня это касается талантливых художников, музыкантов. Мы теряем определенный уровень, мы, к сожалению, теряем и будущее. Хотя приятно, когда у нас проводятся встречи скрипачей, музыкантов, которые блестяще организовал Игорь Покровский. Но это всё ушедшие, уехавшие из нашего Города таланты, которые ушли в разные точки мира. Это очень важно, что они при-

езжают, но надо думать о том, что кто-то же должен тут остаться.

Я помню, когда говорили, что ни один хороший банкир, экономист в Одессе не останется. Если кто-то появляется, то сразу уезжает — либо за границу, либо в Киев или Москву. За эти 20 с лишним лет мы показали, что если нормально относиться к людям, они не уезжают. Я считаю, что та команда, которая сегодня в банке «Восток», она на уровне самого крупного украинского банка или восточноевропейского. Поэтому можно, если умно и уважительно подходить к своей команде, оставлять достойные умы здесь.

В частности, это показывают ИТ-компании. В Одессе остаются умные ребята, главное — их не растерять.

— Каким Вы видели Музей современного искусства Одессы, какая идея была первоначально заложена?

— Идея была, чтобы было своё помещение, чтобы было обязательно какой-то вокруг парк, чтобы была школа для детей, чтобы были постоянные премии молодым художникам. Чтоб были какие-то системы, связанные с наукой, чтоб это был действительно живой организм, который живет длительное время.

Это на первом этапе. Часть из этого уже выполнена, т. е. сегодня есть собственное помещение, хорошее, в центре города, есть постоянно пополняющаяся коллекция, некоторые вещи мы еще не выполнили, что-то появилось, что я не планировал. Но главное, что не поменялось: понимание, что это долговременная вещь. Сегодня Музей — это не проект, который должен приносить прибыль. Это живой организм, который сегодня существует. Команда, которая во главе с Семёном Борисовичем строит и развивает его, что-то делает правильно, что-то делает неправильно, мне что-то нравится, что-то не нравится, но это лично моё мнение, я его могу высказать, но не считаю, что на этот вопрос могу как-то влиять. Потому что есть вещи, от которых нужно дистанцироваться. Вот я не могу влиять на Фонд, которым руководит мама моя в память о папе, потому что они выбирают, в какой больнице ставить оборудование, какую больницу реконструировать, какое оборудование покупать, какие лекарства покупать, кому давать, т. е. моё дело — организовывать финансирование, давать деньги. То же самое и с Музеем. Я не считаю себя вправе кроме помощи диктовать свое видение развития Музея. Есть люди, которые в этом разбираются, есть и, наверное, должен быть, частично сегодня он работает, какой-то Попечительский, рекомендательный совет, есть общие тенденции развития искусства в городе Одесса. Они мне могут совсем не нравиться, я могу в этом ничего не понимать, но это сегодняшняя жизнь. Если есть художники, которые сегодня так рисуют, так пишут, нравятся мне или нет, они должны быть в Музее. Если бы это была моя личная коллекция, то я бы выбирал по принципу «нравится — не нравится», если мы строим Музей, в нём должно быть представлено то, что есть сегодня и что было в Одессе. И чтобы лучшие произведения не покидали наш город.

— Я воспринимаю Музей современного искусства — как оселок свободомыслия, потому что там, где есть музеи современного искусства, уже как-то иначе относятся к понятию «свобода».

— Да, поэтому я и не считаю возможным вмешиваться, что-то диктовать, рекомендовать. Могу просто высказать своё мнение, потому что мы видим всевозможные перформансы, которые меня пугают. Например, в Нью-Йорке можно было подойти к женщине и делать, с ней, что хочешь, на камеру, все будут глазеть, может быть, радоваться. Мне это, конечно, не нравится. Так вот, эта женщина — художник, она так видит, вот она хотела так, а кто-то что-то видит другое. У нас нет права лишать ее свободы творческого высказывания.

Следующее соображение: важно напоминать Одессе и не только одесситам об истории и значимости южнорусской школы, но так же нужно помнить и об истории советского и постсоветского периода. Поэтому не зря я очень много приложил усилий, чтоб мы увидели коллекцию Якова Перемена. Возможно, знающие люди скажут, что есть еще коллекции, которые были бы очень полезно найти, сохранить либо увидеть нашему городу.

Третье — то, чего в Одессе вообще нет, это отборные произведения искусства известных авторов, художников, которые есть в разных музеях. Вы знаете, существует обмен между музеями. Одесса в этом вопросе очень далеко отброшена: ни одной серьезной коллекции или даже картины за последние десятилетия в Одессу никто не привез. Мало того, Одесса не входит ни в один страховой лист музейный, которые работают по

обмену. По-моему, и Киев там на самом последнем месте. Вот одна из вещей, которые я планирую сделать в будущем. Я хочу, чтоб сюда привозились коллекции из других музеев и одесситы, для того, чтоб увидеть интересное, не должны были ехать во Флоренцию, в Уффици, ехать в Вену, в Альбертино, а прийти в наш Музей и увидеть то, чем гордится мировая культура. Я пробовал, одним из первых, когда просил у одного из известных коллекционеров Пикассо одну работу; Шагал был, Кандинский был; но это всё было очень давно, очень точно и основывалось больше на личных связях, а не на сотрудничестве с музеем. Поэтому я вижу в будущем сотрудничество Музея с первоклассными музеями, которые не боятся привозить сюда первоклассные работы. Этот вопрос сильно отодвинула ситуация с АТО, потому что сейчас Украину оценивают, к сожалению, как «очень опасно». Но я об этом думаю, по крайней мере, такой план у меня есть.

— Наверное, последний вопрос, не сколько обобщий. Ваше отношение к меценатству, возможностям меценатства? Не слишком ли у нас всё перебарщивают на меценатов? Или, наоборот, они мало делают?

— Слово «меценат» — оно пошло из Древнего Рима. Сейчас уже далеко не Древний Рим. Сейчас, когда у человека есть возможность потратить деньги — дальше это его личная жизнь, его, если хотите, душа. То есть один хочет прийти в хороший ресторан и заказать 20 бутылок шампанского, другой хочет дать премию прекрасному пианисту или шахматисту или направить деньги на новый театр или музей. У нас бизнес, к сожалению, очень далёк от того, чтобы было добровольное желание свои деньги на что-то тратить.

Это вопрос образованности, культуры. Далеко не всегда лучшие люди вырвались в бизнесмены. В других странах это вещь, которая обязательна. Если ты встал на определённый уровень состоятельности, ты просто обязан это делать. Если ты это не делаешь, то на тебя очень странно смотрят. А у нас наоборот. У нас очень странно смотрят, если ты это делаешь. И поэтому моя была задача — показать в Одессе, что это надо делать. Эта вещь — меценатство, благотворительность, эта вещь не для галочки, это — жизненная позиция. Нельзя какие-то добрые дела сегодня делать, а потом три года не делать, потом что-то сделать — пошел что-то заварил по каким-то причинам. Это деятельность, которая требует последовательности, непрерывности. Делись, и тебе Б-г больше даст. И должна быть систематизированность. У нас одна из проблем — отсутствие системности. Очень плохо, когда всё делается рывками. Должна быть у каждого... я не в праве диктовать, но, мне кажется, у каждого должна быть системность. Вот у меня системность направлена на несколько вещей. В первую очередь это, конечно, вещи, связанные с нашим городом, это благотворительный фонд в память о папе «Милосердие Виктор». Это семейный вопрос всей нашей семьи. Второй семейный вопрос — это Музей современного искусства, который более виден, более значим, я его называю маяком. Это маяк для бизнеса, что нужно сегодня делать вещи долговременные. Для того чтоб не просто говорить: «Я люблю свой город. Я под выборы построил детскую площадку и забил о ней, и она развалилась». Пусть кто-то хочет сделать Музей, кто-то может сделать театр. У меня есть мои друзья, которые помогают. Андрей Ставицер много делает, Виталик Томчик музей Блещунова поддерживает. Я рад, что это делают Женя Деменок и другие. Есть много бизнесменов, которые это делают. С другой стороны, слово «много» в процентном отношении — это всего не более 5%. Музей современного искусства — это значимая вещь для всего Города как показатель того, что можно сделать, начиная с нуля. И вы обратите внимание, сколько прошло лет, очень маленький период времени. То есть можно сегодня при желании создать не одно новое культурное пространство в нашем Городе.

Начинается определённое движение. Вот уже сделал шаги Юра Шпирт. Вот уже Таня Бурда. Я считаю, глядя на это, что благотворительность начинает развиваться. Я многих не назвал. Это сегодня даже становится какой-то модой. Чем больше будет поддерживаться искусство в Одессе, чем больше будет меценатства и благотворительности, тем мне будет приятнее и будет приятнее нашему Городу. Потому что в нашем Городе было очень много хорошего, но почему-то очень многие хорошие вещи умирают, а наше дело — это воссоздать и развивать.

Поэтому продолжайте, коллеги, вместе со мной. Давайте развивать наш Город, здесь живут наши дети. Нам не должно быть стыдно, мы должны продолжать, чтобы гордиться нашим Городом, развивать и сохранять Одессу!